

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ

Выдающийся мастер сатиры

В буржуазной критике до Великой Октябрьской социалистической революции Чехова нередко называли «певцом хмурых людей», считали пессимистом, писателем, которому якобы чужды передовые идеи и взгляды. Нет ничего ошибочнее подобного рода суждений, совершенно искажающих облик одного из величайших русских писателей. В ряде произведений Чехова много скорби и горечи, он умел превосходно изобразить и беспощадно разоблачить жуткую правду буржуазной действительности. Но Чехов умел внушить читателю страстное желание покончить с отвратительным миром буржуазных отношений, ломающих и коверкающих человеческую душу. Именно потому Чехов был непримиримым врагом пошлости, мешанины, что мечтал о человеке, в котором все прекрасно. А. М. Горький писал о Чехове: «Этот скромный, мягкий человек, если он найдет нужным, может стать против враждебной ему силы крепко, твердо и не уступит ей».

Искренности, честности в искусстве изображения жизни Чехов учился у великих мастеров русского художественного слова. «Художественная литература, — писал Чехов, — поэтому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная и честная». С годами все требовательнее и ответственнее подходил писатель к определению сущности и задач художественной литературы. Правдивость в художественном воспроизведении действительности была главным эстетическим принципом, которым руководствовался Чехов в своем творчестве.

В 1888 году в письме А. Н. Плещееву он следующим образом сформулировал свои эстетические убеждения: «Я ненавижу ложь и насилие во всех его видах... Фарисейство, тупоумие и произвол царят в одних только купеческих домах и кутузках, я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи... Мое святое святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались». В этих словах содержится программа, близкая по своим принципам к идеям известным великим русским писателям — царства Пушкина, Гоголя, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Свобода, о которой пишет Чехов, не имеет ничего общего с отказом от убеждений, от передовых идей и стремлений, с отказом от борьбы со всем отжившим, гнилым, что мешало двигаться вперед. В сердце и сознании Чехова жила мечта о подлинной свободе искусства, невозможной в обществе, построенном на угнетении и насилии.

Наложенный Чеховым эстетический кодекс в известной мере являлся теоретически осознанным отражением собственной творческой практики. Уже в ранних своих рассказах, в условиях жестокой реакции, Чехов сумел нарисовать правдивую картину «фарисейства, тупоумия и произвола» в общественных отношениях, в искусстве и науке. Было бы крайне ошибочно смотреть на рассказы «Дочь Альбиона», «Унтер Пришибеев» и многие другие, как на невинные юморески. Так, например, в рассказе «Унтер Пришибеев» средствами сатирической типизации показана неспособность самодержавно-полицейской системы, построенной на постоянном насилии.

Чехов создавал огромную воспитывающую роль литературы, великую ее ответственность перед страной и народом. В одном из своих чудесных писем Чехов говорит: «...писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и ко-

торые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то лгут и вас зовут туда же, и вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель». Эти слова могут быть с полным правом отнесены к самому Чехову. Его сатира не была беспредметной. Писатель знал силу смеха и использовал его как грозное оружие. Сатира Чехова, как и других выдающихся представителей русской художественной мысли, озарена светом передовых идей эпохи, проникнута глубокой верой в светлое будущее своей Родины, сознанием исторической обреченности мира насилия и лжи.

Чехов явился гениальным продолжателем лучших традиций русской литературы, но он умел найти новые средства сатирического воздействия, умел в лаконичной, до предела отточенной форме по-новому сказать правду о позорных явлениях действительности. У Чехова была своя система художественного изображения жизни, построенная на стремлении к предельной «объективности». Ему чужд гротеск, преувеличение. Он пишет в одном из писем: «Над рассказами можно и плакать, и стонать, можно страдать заодно со своими героями, но, полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель не заметил. Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление».

Чеховский «объективизм» отнюдь не означает авторской беспристрастности. Именно в умении подвести читателя всем строем повествования, его «подтекстом» к глубокому и серьезному осознанию действительности, к нежеланию мириться с ее отрицательными сторонами кроется тайна чеховского таланта.

С исключительным художественным мастерством раскрывает писатель растительность буржуазного общества в одном из самых сильных своих рассказов — «Припадок» (1888). Высокоинтеллектуальный студент Васильев испытывает чувство неотвратимого стыда за мерзость проституции, являющейся необходимой принадлежностью буржуазного строя. «И как может снег падать в этот переулок! — думал Васильев. — Будь прокляты эти дома!». Мерзость буржуазных отношений и порождаемых ими явлений нашла в рассказе предельно ясное и необычайно сильное художественное выражение. Деталь с изображением снега как символа чистоты и красоты не была случайной. Она вырастала из глубин творческого сознания Чехова, из отношения его к буржуазному строю, оскорбляющему и калечащему человеческую душу.

Известно, что революционные демократы вели непримиримую борьбу с либералами, как наиболее опасными врагами освободительного движения русского народа. Крах либерализма, его предательская сущность с необычайной силой представлена в сказке Салтыкова-Шедрина «Либераля». Либераля выдвинул многообещающую программу и стал действовать сначала «по возможности», затем стремился урвать хоть что-нибудь и, наконец, вступил на путь «применительно к подлости». Чехов продолжил дело Салтыкова-Шедрина. В своих произведениях Чехов саклеймирует трусость, уход от общественной деятельности, духовную нищету и мерзость интеллигента-обывателя.

Тема духовного краха с еще большей силой раскрыта Чеховым в знаменитом рассказе «Пончик», в котором идет речь о докторе Старцеве, не нашедшем в себе мужества, чтобы противостоять растлевающему влиянию мешавшего болота. В молодости Старцев был человеком передо-

вых убеждений, мечтал об общественной работе, но постепенно опустился, превратился в грубого стяжателя, пошляка, стал жить «без впечатлений, без мыслей». Поражительно искусство, с каким Чехов воплощает глубокое идейное содержание в предельно-малой форме!

Некрасов, Салтыков-Шедрин, Успенский в ряде своих произведений отразили социально-экономическое расхождение крестьянства, появление и рост кулачества. Шедрин создал типы Колупаева, Разуваева, Дерунова. Правдивый показ пореформенной деревни на новом этапе жизни Чехов дал в повестях «Мужики», «В оврагах».

Острая сатира на общественный строй содержится в рассказе «Человек в футляре», самое название которого давно стало крылатым словом. Рассказ написан на тему о боязни мысли, о параличе духа, о том, «как бы чего не вышло». Тема эта не новая в русской литературе. На эту тему писал Шедрин. Достаточно вспомнить его сказку «Премудрый пескарь». В Чехове нельзя не видеть достойного преемника гениального сатирика. Чехов изобразил развал, духовное обнищание, показал туннель, в который завели Россию ее правители. Именно такой вывод можно сделать из рассказа «Человек в футляре», и в этом заключалась его огромная революционизирующая сила. Но глубине и правдивости сатирического обобщения образ Беликова может быть поставлен на один уровень с типами Обломова, Иудушки Головлева. Недаром этот образ не раз был использован в докладах, речах, статьях В. И. Лениным и Н. В. Сталиным.

В 1892 году Чехов написал «Палату № 6», произведение, поразительное по художественному мастерству и разящей силе сатиры. Конфликт, показанный Чеховым в «Палате № 6», не был беспочвенной фантазией художника. Чехов в своем произведении дал замечательно острое сатирическое обобщение общественного строя России предреволюционной поры с ее мертвящей атмосферой, угнетающей человека. По политической остроте, творческой смелости, яркости художественных образов «Палата № 6» непосредственно примыкает к знаменитым сатирам Салтыкова-Шедрина «Дневник провинциала в Петербурге» и «В больнице для умалишенных». Весьма вероятно, что щедринские сатиры в какой-то степени подтолкнули Чехову замысел повести.

Творчество Чехова должно быть осознано как закономерное развитие реалистических и демократических традиций русской литературы, как важнейшая ступень по пути к искусству социалистического реализма. Оно свидетельствует об активном, творческом усвоении опыта величайших мастеров художественного слова. Будучи глубоко оригинальным, большим художником, Чехов сумел открыть новые пути изображения жизни и создать эстетические ценности мирового значения.

Творчество Чехова сохраняет свое действительное значение и в наши дни. Оно полно веры в наступление «чуждой и полной высшего смысла жизни». Чехов учит мыслить всматриваться в жизнь, распознавать и отбрасывать мертвое, отжившее, пошлое, что все еще имеет место в нашей жизни, бороться против современных беликовых, пришибеевых, хамелеонов, мешающих нашему движению вперед, к коммунизму. Светлая память великого русского писателя-гуманиста и сатирика дорога всему передовому человечеству.

С. БАРАНОВ,
профессор Иркутского педагогического института.

А. П. Чехов и А. М. Горький. 1901 год.

Чехов — это Пушкин в прозе. Вот как в стихах Пушкина каждый может найти что-нибудь такое, что пережил и сам, так и в рассказах Чехова, хотя в каком-нибудь из них читатель непременно увидит себя и свои мысли.

Чехов — несравненный художник... Художник жизни. И достоинство его творчества в том, что оно понятно и сродни не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще. И это главное.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

В рассказах Чехова нет ничего такого, чего не было бы в действительности. Страшная сила его таланта именно в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, «чего нет на свете».

...когда умрет Чехов — умрет один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, — друг, любящий ее, сострадающий ей во всем, и Россия вся дрогнет от горя и долго не забудет его, долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям, освещенным грустной улыбкой любящего сердца, по его рассказам, пропитанным глубоким знанием жизни.

...Как стилист, Чехов недостижим, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов.

А. М. ГОРЬКИЙ.

Чехов представляет собою одну из вех на пути нашего искусства, намеченном Шекспиром, Мольером, Лунджем, Риккони, великим Шредером, Пушкиным, Гоголем, Щепкиным, Грибоедовым, Островским, Тургеневым.

Чехов с искусством истинного мастера умеет убивать и внешнюю и внутреннюю сценическую ложь красивой художественной подлинной правдой.

Чехов — неисчерпаем, потому что, несмотря на обыденщину, которую он будто бы всегда изображает, он говорит всегда, в своем основном, духовном лейт-мотиве, не о случайном, не о частном, а о Человеческом с большой буквы.

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ.

У Чехова я учился писать; у Чехова я чувствовал ужасающий строй, в котором мы жили. Пусть это были не боевые картины призыва к борьбе, все равно, они, как ржавчина, разъедали подлый строй, в свою меру подготавливая его обвал под натиском революции.

А. С. СЕРАФИМОВИЧ.

БЕССМЕРТНОЕ ИМЯ

Весь мир чтит память великого писателя Антона Павловича Чехова. И люблю Чехова. Это заставляет меня десяти раз перечитывать его произведения.

А. П. Чехов всегда с любовью, внимательно и даже с нежностью относился к простым, незаметным людям. Без громких слов Чехов каждой строкой своих рассказов говорит о гнилости, захламенности той жизни и страстно мечтает о светлом, счастливым будущем, в которое он беззаветно верил.

Эти черты придают его творчеству оптимизм, уверенность в торжестве справедливости. Чехов чувствовал зарождение новой силы, победа которой близка и неминуема. В пьесе «Вишневый сад» словами одного из своих героев он говорит: «Вот оно, счастье, вот оно идет, подходит все ближе и ближе, я уже слышу его шаги. И если мы не увидим, не узнаем его, то что за беда? Его увидят другие!».

Чехов не дождался этого счастья, не увидел, как изменилась жизнь в так любимой им России. Но его произведения горячо любят советские люди.

Советский народ и все прогрессивное человечество всегда будут помнить и чтить память великого писателя и душевного, обаятельного человека — Антона Павловича Чехова.

Т. ТЕРПУГОВ,
сталевар завода имени Куйбышева.

В человеке должно быть все прекрасно

Каждый раз при упоминании имени великого художника слова Чехова мне вспоминается школа-десятилетка, которую я закончила. В зале этой школы висел портрет Антона Павловича и плакат со словами, которые знает каждый, почитающий Чехова: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Глубокий смысл вложил Антон Павлович в эти слова. В них выразилась мечта художника о человеке будущего, в котором все прекрасно. Эти слова обращены к нам, советской молодежи. Стать таким человеком, о котором мечтал Чехов, можно при условии, если найдешь свое настоящее место в жизни, чтобы потом не равнодушно относиться к своей работе: в работе заключается счастье жизни.

Сейчас я — преподаватель литературы и, кажется, в выборе своей специальности не ошиблась: мне выпала великая честь прививать детям любовь к замечательным творениям наших мастеров слова: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. М. Горького и А. П. Чехова.

Всеми силами боролся Чехов с пошлостью жизни старой Руси, которая губила, засасывала людей, целью существования которых становилось накопительство, обогащение. Но писатель не был бы так дорог нам, если бы среди обывателей, пошляков, ничтожеств не увидел людей, которые всем своим существом ненавидели эту гнусную жизнь, стремились к иной, светлой и в конце концов победили.

Нельзя не отметить и постоянную заботу Антона Павловича об учителе. Писатель не раз с глубоким сожалением говорил о жалкой участи учителя в России, вынужденного быть только чиновником. Чехов говорил, что «учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело», должен быть высоко образованным человеком. О таком учителе меч-

Чеховские дни в Иркутске

писал Чехов, — поэтому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная и честная». С годами все требовательнее и ответственнее подходил писатель к определению сущности и задач художественной литературы. Правдивость в художественном воспроизведении действительности была главным эстетическим принципом, которым руководствовался Чехов в своем творчестве.

В 1888 году в письме А. Н. Плещееву он сформулировал следующим образом свою эстетическую убежденность: «Я ненавижу ложь и насилие во всех его видах... Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и лавках, я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи... Мое святое святое — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались». В этих словах содержится программа, близкая по своим принципам к идейным заветам великих русских писателей — советам Пушкина, Гоголя, Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Свобода, о которой пишет Чехов, не имеет ничего общего с отказом от убеждений, от переломных идей и стремлений, с отказом от борьбы со всем отжившим, гнилым, что мешает движению вперед. В сердце и сознании Чехова жила мечта о подлинной свободе искусства, невозможной в обществе, построенном на угнетении и насилии.

Подлинный Чеховым эстетический кодекс в известной мере явился теоретически осознанным отражением собственной творческой практики. Уже в ранних своих рассказах, в условиях жестокой реакции, Чехов сумел нарисовать правдивую картину «фарисейства, тупоумия и произвола» в общественных отношениях, в искусстве и науке. Было бы крайне ошибочно смотреть на рассказы «Дочь Альбиона», «Унтер Пришибеев» и многие другие, как на невинные юморески. Так, например, в рассказе «Унтер Пришибеев» средствами сатирической типизации показана неспособность самодержавно-полицейской системы, построенной на постоянном сыске.

Чехов создавал огромную воспитывающую роль литературы, великую ее ответственность перед страной и народом. В одном из своих чудесных писем Чехов говорит: «...писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и ко-

чать, и стонать можно страдать заодно со своими героями, но, полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель не замечал. Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление».

Чеховский «объективизм» отнюдь не означает авторской бесстрастности. Именно в умении подвести читателя всем строем повествования, его «подтекстом» к глубокому и серьезному осознанию действительности, к нежеланию мириться с ее отрицательными сторонами кроется тайна чеховского таланта.

С исключительным художественным мастерством раскрывает писатель растленность буржуазного общества в одном из самых сильных своих рассказов — «Припадок» (1888). Высокообразованный студент Васильев испытывает чувство неотвратимого стыда за мерзость проституции, являющейся необходимой принадлежностью буржуазного строя. «И как может снег падать в этот переулочек! — думал Васильев. — Будь прокляты эти дома!». Мерзость буржуазных отношений и порожденных ими явлений нашла в рассказе предельно ясное и необычайно сильное художественное выражение. Деталь с изображением снега как символа чистоты и красоты не была случайной. Она выросла из глубин творческого сознания Чехова, из отношения его к буржуазному строю, оскорбляющему и калечащему человеческую душу.

Известно, что революционные демократы вели непримиримую борьбу с либералами, как наиболее опасными врагами освободительного движения русского народа. Крах либерализма, его предательская сущность с необычайной силой представлена в сказке Салтыкова-Щедрина «Либерал». Либерал выдвинул многообещающую программу и стал действовать сначала «по возможности», затем стремился урвать хоть что-нибудь из, накопив, вступил на путь «применительно к подлости». Чехов продолжил дело Салтыкова-Щедрина. В своих произведениях Чехов с максимальной точностью, уходом от общественной деятельности, духовную явность и мерзость интеллигента-обывателя.

Тема духовного краха с еще большей силой раскрыта Чеховым в знаменитом рассказе «Ионыч», в котором плет речью о докторе Старцеве, не нашедшем в себе мужества, чтобы противостоять растлевающему влиянию мешающего болота. В молодости Старцев был человеком передо-

чиные, показав туник, в котором вывел Россию ее правители. Именно такой вывод можно сделать из рассказа «Человек в футляре», и в этом заключалась его огромная революционизирующая сила. По глубине и правдивости сатирического обобщения образ Беликова может быть поставлен на один уровень с типами Обломова, Иудушки Головлева. Недаром этот образ не раз был использован в докладах, речах, статьях В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

В 1892 году Чехов написал «Палату № 6», произведение, поразительное по художественному мастерству и разящей силе сатиры. Конфликт, показанный Чеховым в «Палате № 6», не был беспочвенной фантазией художника. Чехов в своем произведении дал замечательно остро сатирическое обобщение общественного строя России предреволюционной поры с ее мертвящей атмосферой, угнетающей человека. По политической остроте, творческой смелости, яркости художественных образов «Палата № 6» непосредственно примыкает к знаменитым сатирам Салтыкова-Щедрина «Дневник провинциала в Петербурге» и «В больнице для умалишенных». Весьма вероятно, что щедринские сатиры в какой-то степени подтолкнули Чехова к замыслу повести.

Творчество Чехова должно быть осознано как закономерное развитие реалистических и демократических традиций русской литературы, как важнейшая ступень по пути к искусству социалистического реализма. Оно свидетельствует об активном, творческом усвоении опыта величайших мастеров художественного слова. Будучи глубоко оригинальным, большим художником, Чехов сумел открыть новые пути изображения жизни и создать эстетические ценности мирового значения.

Творчество Чехова сохраняет свое действительное значение и в наши дни. Оно полно веры в наступление «чуждой и полной высокого смысла жизни». Чехов учит пытливо всматриваться в жизнь, распознавать и отбрасывать мертвое, отжившее, пошлое, что все еще имеет место в нашей жизни, бороться против современных величавых, пришибовых, хамелеонов, мешающих нашему движению вперед, к коммунизму. Светлая память великого русского писателя-гуманиста и сатирика дорога всему передовому человечеству.

С. БАРАНОВ,
профессор Иркутского педагогического института.

Мой любимый писатель

Еще ученицей младших классов я начала читать произведения А. П. Чехова, которые очень заинтересовали меня. Особенно мне понравились тогда такие рассказы, как «Нахлебники», «Каштанка», «Спать хочется», «Ванька Жуков».

С годами я стала глубже понимать идеи этих небольших рассказов Чехова, а также и его пьес. Глубоко запали в душу слова Астрова в пьесе «Дядя Ваня»: «В

человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». В этих словах Чехов показал свой идеал человека.

В школе мы изучали жизнь и творчество А. П. Чехова, и я еще больше полюбила и научилась высоко ценить его произведения, в которых он так правдиво изображал жизнь простых людей старой России, показала социальную сущность его творчества.

Я всегда с удовольствием читаю и перечитываю произведения Антона Павловича и каждый раз нахожу в них что-нибудь новое, обогащающее меня знанием жизни, умением понимать характеры людей.

С. ШИЛОВА,
выпускница Иркутской женской средней школы № 17.

А. П. Чехов и А. М. Горький. 1901 год.

Чехов—это Пушкин в прозе. Вот как в стихах Пушкина каждый может найти что-нибудь такое, что пережил и сам, так и в рассказах Чехова, хотя в каком-нибудь из них читатель непременно увидит себя и свои мысли.

Чехов—несравненный художник... Художник жизни. И достоинство его творчества в том, что оно понятно и родно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще. И это главное.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

В рассказах Чехова нет ничего такого, чего не было бы в действительности. Страшная сила его таланта именно в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, «чего нет на свете...».

...когда умрет Чехов — умрет один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, — друг, любящий ее, сострадающий ей во всем, и Россия вся дрогнет от горя и долго не забудет его, долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям, освещенным грустной улыбкой любящего сердца, по его рассказам, пропитанным глубоким знанием жизни...

...Как стилист, Чехов недосыгаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов.

А. М. ГОРЬКИЙ.

Чехов представляет собою одну из вех на пути нашего искусства, намеченном Шекспиром, Мольером, Луиджи, Риккони, великим Шредером, Пушкиным, Гоголем, Щепкиным, Грибоедовым, Островским, Тургеневым.

Чехов с искусством истинного мастера умеет убивать и внешнюю и внутреннюю спеическую ложь красивой художественной подлинной правдой.

Чехов—неисчерпаем, потому что, несмотря на обыденщину, которую он будто бы всегда изображает, он говорит всегда, в своем основном, духовном лейт-мотиве, не о случайном, не о частном, а о Человеческом с большой буквы.

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ.

У Чехова я учился писать; у Чехова я чувствовал ужасающий строй, в котором мы жили. Пусть это были не боевые картины призыва к борьбе, все равно, они, как ржавчина, разъедали подлый строй, в свою меру подготавливая его обвал под натиском революции.

А. С. СЕРАФИМОВИЧ.

Чеховские дни в Иркутске

Общественность Иркутска отмечает 50-летие со дня смерти А. П. Чехова. Коллектив областного драматического театра подготовил к постановке одноактные пьесы писателя: «Хороший конец», «Дорогая собака», «Предложение». Они будут ставиться на клубных сценах и в садах города. В спектаклях примут участие заслуженный артист республики, лауреат Сталинской премии Н. И. Харченко, лауреат Сталинской премии В. В. Лещев, артисты М. Ф. Агаджанова, Р. А. Иванова, В. К. Венгер. В дни памяти Чехова трудящиеся Иркутска

ка просматривают спектакль «Дядя Ваня», специально подготовленный к этой дате.

На днях 250 железнодорожников Иркутска-II прослушали в своем клубе лекцию, посвященную жизни и творчеству А. П. Чехова.

Беседы и лекции о великом русском писателе состоялись также в клубе железнодорожников Иркутска-I, на рыбообрабатывающем заводе и на других предприятиях города. Всюду трудящиеся с большим интересом осматривают выставки и фотомонтажи, посвященные жизни и творческой деятельности великого писателя.

Советский народ и все прогрессивное человечество всегда будут помнить и чтить память великого писателя и душевного, обаятельного человека — Антона Павловича Чехова.

Т. ТЕРПУГОВ,
сталевар завода имени Куйбышева.

В человеке должно быть все прекрасно

Каждый раз при упоминании имени великого художника слова Чехова мне вспоминается школа-десятилетка, которую я закончила. В зале этой школы висел портрет Антона Павловича и плакат со словами, которые знает каждый, считающий Чехова: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Глубокий смысл вложил Антон Павлович в эти слова. В них выразилась мечта художника о человеке будущего, в котором все прекрасно. Эти слова обращены к нам, советской молодежи. Стать таким человеком, о котором мечтал Чехов, можно при условии, если найдешь свое настоящее место в жизни, чтобы потом не равнодушно относиться к своей работе: в работе заключается счастье жизни.

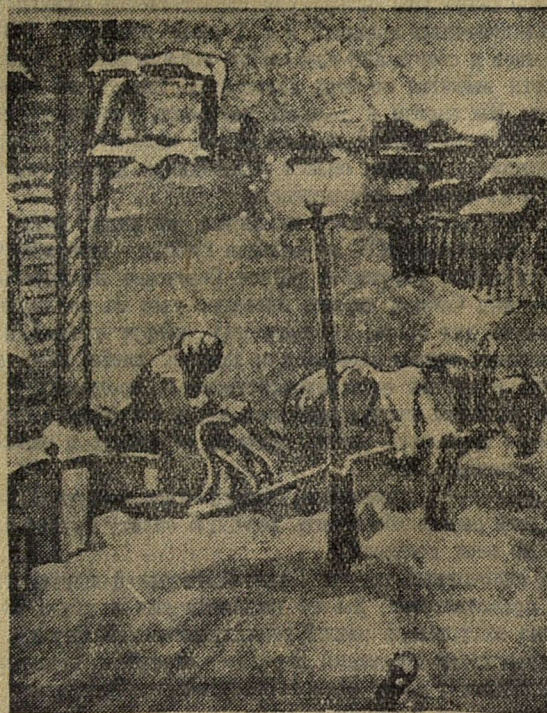
Сейчас я—преподаватель литературы и, кажется, в выборе своей специальности не ошиблась: мне выпала великая честь прививать детям любовь к замечательным творениям наших мастеров слова: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. М. Горького и А. П. Чехова.

Всеми силами боролся Чехов с пошлостью жизни старой Руси, которая губила, засасывала людей, целью существования которых становилось накопительство, обогащение. Но писатель не был бы так дорог нам, если бы среди обывателей, пошляков, ничтожеств не увидел людей, которые всем своим существом ненавидели эту гниющую жизнь, стремились к иной, светлой и в конце концов победить.

Нельзя не отметить и постоянную заботу Антона Павловича об учителе. Писатель не раз с глубоким сожалением говорил о жалкой участи учителя в России, вынужденного быть только чиновником. Чехов говорил, что «учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело», должен быть высоко образованным человеком. О таком учителе мечтал писатель — такими людьми должны быть мы, советские учителя. Нам представлены все возможности, чтобы отнестись к своему делу творчески, по-чеховски, то есть видеть в нем поэзию.

Любовью к людям, оптимизмом, бодростью, любовью к труду, ненавистью к лени, лжи, пошлости дорог нам, советским учителям, великий русский писатель Антон Павлович Чехов.

Т. БОРОДНИНА,
преподаватель литературы Троицкой средней школы Заларинского района.

«Тоска», Т. Гапоненко, 1946 г.

«Каштанка», Д. Кардовский, 1903 г.

«Человек в футляре», Кукрыныксы, 1953 г.

«В степи», Т. Гапоненко, 1946 г.

ПИСАТЕЛЬ-ПАТРИОТ

Талантливый драматург-новатор

С Чеховым-драматургом сибирские зрители познакомились в 80-е годы, когда на профессиональной и любительской сцене широко шли талантливые водевили молодого писателя. В письме из Томска (1890 год) Чехов сообщал: «В Томске на всех заборах красуется «Предложение». Часто шли в эти годы водевили Чехова и в Иркутске».

Прогрессивной иркутской печати, уделявшей большое внимание вопросам литературы, были близки чеховские мысли о состоянии русского театра, который в 80 годах прошлого века находился в упадке. Так же, как Чехов, местная печать в годы реакции вела напряженную борьбу за оздоровление репертуара. Авторы рецензий называли «ловкими драматическими закройщиками» опытных драматургов того времени Крылова, Шпагинского и других, о которых Чехов говорил, что они могут писать пьесы сразу двумя руками. Чехов зло высмеивал актерско-ремесленников, говоря, что в «комедиях они ломаются, а в драмах стараются говорить заманчивым голосом». Иркутские газеты во многих рецензиях на спектакли 70—90 годов упрекали актеров за тяготение к внешним эффектам, к художественным приемам.

Вполне понятен в этом свете живой интерес передовых представителей иркутской общественности к первым попыткам Чехова в области драматургии. Не случайным является тот факт, что пьеса Антона Павловича «Иванов» впервые в провинции была поставлена в Иркутске, через несколько месяцев после того, как она в новой редакции прошла на сцене Александринского театра.

Верная своим общим позициям в оценке театральной жизни, местная печать в статье, посвященной началу сезона, назвала «Иванова» лучшим произведением современной театральной литературы («Восточное обозрение» 1889 г. № 392). Спектакль не удовлетворил публику. Очевидно, театр не понял особенности пьесы драматурга-новатора. Рецензент, говоря о спектакле, с горечью восклицал: «Не то, не то!». Он резко критиковал исполнителя роли Иванова Малевского, не сумевшего создать на сцене образ внутренне опустошенного человека.

В сезоне 1898—1899 гг. на иркутской сцене шла вторая пьеса Чехова «Дядя Ваня». В сезон 1901—1902 г., через восемь месяцев после премьеры в Московском Художественном театре, Иркутский театр показал зрителям «Три сестры», а в сезоне 1905—1906 г. — «Вишневый сад». Как известно, Московский Художественный театр сумел найти новые средства для сценического воплощения чеховских пьес. Огромный успех «Чайки» в Художественном театре, после провала этой пьесы на казенной сцене, связал Чехова с молодым творческим коллективом узами большой дружбы.

Но известно также, что Чехов в период работы Московского Художественного театра над спектаклями «Три сестры» и «Вишневый сад» горячо спорил с театром. Пьесы эти были написаны автором в годы подъема общественного движения. В пьесе «Три сестры» Чехов тонко показывал маниловщину и бездельность прекрасноречивых интеллигентов. Он считал эту пьесу комедией, а Художественный театр играл ее, как драму. Театр не увидел в пьесе осуждения бездельности и требования активности. Он не увидел остро противоречия между внутренними устремлениями людей и их общественным поведением, а это и составляло основу пьесы «Три сестры» и давало право Чехову говорить о ней, как о комедии. Пьеса называлась «Вишневый сад» по

сестры», как и многие другие театры подчеркнул в спектакле безысходность положения трех сестер, не заметил чеховских иронических интонаций. Местная печать дала отрицательную оценку этой работе театра. Рецензент коротко писал, что пьеса шла вяло и скучно. Трагедия пьесы театром была чужда позиции газеты. Позднее в статье, написанной в связи со смертью Чехова, она с большим проникновением в истинное содержание чеховских пьес, писала: «Дядя Ваня» и «Три сестры» не могут внести успокоения, а еще больше обостряют конфликт между идеалом и пошлой действительностью, вызывают жажду борьбы. («Вост. обозрение», 1904 г. № 159). Вот этого активного начала и не было в спектаклях многих театров, и, в частности, в спектаклях, шедших на иркутской сцене.

В годы реакции, наступившей после первой русской революции, театры Иркутска изредка обращались к драматургии Чехова, но его пьесы шли, как проходные спектакли. Они терялись в мутном потоке пошлых безделок, заполнявших местную сцену. В это время в Иркутске активно работало Общество по устройству народных чтений, объединявшее передовую демократическую интеллигенцию. В Народном доме, силами любителей, Общество ставило спектакли. В отличие от драматического театра любители включали в репертуар пьесы Горького, Островского, Мольера и другие. Значительное место в репертуаре этого общедоступного театра занимали и пьесы Чехова. В 1912—1914 гг. на сцене Народного дома прошли почти все водевили Чехова и его пьеса «Дядя Ваня».

Многие дореволюционные критики несправедливо считали Чехова-драматурга пессимистом и говорили, что пьесы его проникнуты безысходностью и безнадежностью. Марксистское литературоведение показало несостоятельность этих оценок. Убедительно показал это и МХАТ имени А. М. Горького, вторично обратившийся в 1940 г. к драматическому наследию великого писателя. В новом спектакле режиссура подчеркнула активное начало пьесы, мечту о будущем, тоску о лучшей жизни. Новый спектакль МХАТ оказал большое влияние на все театры страны, которые все чаще и чаще начали обращаться к пьесам Чехова. В 40-е годы Иркутский театр поставил две пьесы Чехова: «Три сестры» и «Вишневый сад». В спектакле «Три сестры» (режиссер, заслуженный артист РСФСР Г. А. Боганов), коллектив театра сумел воплотить на сцене стилевое своеобразие Чехова-драматурга. Но в целом театр был в плену старых сценических традиций и в общем тоне спектакля преобладали грусть, атмосфера беспомощности, граничащая с безысходностью.

Интересно и смело поставил пьесу «Вишневый сад» заслуженный артист РСФСР М. М. Ляшенко. Исполнители ролей Раневской и Гаева (артистка М. М. Каплун, артисты Ф. Н. Белопольский и В. А. Закатов) сумели показать внутреннюю опустошенность и никчемность этих чеховских героев. С большим мастерством исполнил роль Фирса заслуженный артист РСФСР К. А. Прокофьев.

Последней работой театра на пути освоения чеховской драматургии, явился спектакль «Дядя Ваня», возобновленный в 50-летнюю со дня смерти писателя.

А. М. Горький говорил, что чеховские пьесы надо было бы ставить не как лирические драмы, а как лирические комедии. Это тонкое замечание основоположника советской литературы открывает еще неиспользованные возможности нового сценического представления чеховских пьес. Дело

ОН ЛЮБИЛ ЭТОТ КРАЙ

★ ★
БЕСЕДА С МАРИЕЙ ПАВЛОВНОЙ ЧЕХОВОЙ
★ ★

«Проехал я через всю Сибирь, отмадал на лошадях 4500 верст...», — писал в одном из своих писем великий русский писатель Антон Павлович Чехов. Эти коротенькие строчки наполнены богатейшим содержанием. Смелое по тем временам путешествие писателя через всю Сибирь на Сахалин привлекло внимание всей прогрессивной общественности нашей Родины к этим далеким окраинам Российской империи. Чеховские записки «Из Сибири», и особенно его книжка «Остров Сахалин», явились ценнейшим вкладом в русскую литературу.

Сибирь поразила писателя своей великолепной природой, своими неисчислимыми богатствами.

Вспоминая поездку Антона Павловича Чехова на Сахалин через Сибирь, проживавшая в Ялте, девятилетняя сестра писателя Мария Павловна Чехова в беседе с корреспондентом «Восточно-Сибирской правды» рассказывала:

— Поездка через Сибирь на Сахалин, хотя и была чрезвычайно трудна, оставила в жизни моего брата неизгладимое впечатление. В разговорах, в письмах, в своих произведениях он то и дело возвращался к этой обширной и величественной окраине нашей Родины.

В письмах, которые присылал Антон Павлович мне и братьям, он, возмущаясь дикими порядками и произволом, которые царили в ту пору в Сибири, возмущенно отзывался о богатой сибирской природе.

Особенно глубокое впечатление произвели на Антона Павловича сибирские горы и реки. «И горы, и Енисей подарили меня такими ощущениями, которые стоически вознаградили меня за все пережитые кувирколлегии...», — писал он мне из Иркутска и в этом же письме сообщал, что «Иркутск прекрасный город». Берега Ангары напоминали ему Швейцарию. А брату Александру он писал из Иркутска: «В общем я своей поездкой доволен и не жалею, что поехал. Тяжело ехать, но зато очень чудно. Отдыхаю с наслаждением». В этом письме он также отметил, что «из всех сибирских городов самый лучший Иркутск».

Он любил этот край и предвидел, что наступит время, когда Сибирь станет «богатейшей и счастливейшей землей». Любуясь могучей сибирской рекой Енисеем, Чехов записал пророческие слова: «На Енисее... жизнь началась стеном, а кончится удачно, какая нам и во сне не снилась... Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

В дни, когда все прогрессивное человечество отмечает пятидесятилетие со дня смерти великого русского писателя, а счастлива приветствовать трудящихся Советской Сибири, той Сибири, о которой мечтал когда-то мой брат Антон Павлович Чехов.

Мечты писателя сбылись

Антон Павлович Чехов — мой любимый писатель. В моей небольшой библиотеке есть несколько томов его произведений.

С огромным удовольствием прочел я путевые записки Чехова «Из Сибири». Как верно он описывает этот, в прошлом край горя и бед, край темных невежественных крестьян, и как страстно мечтает увидеть Сибирь счастливейшей землей!

Прошли годы. Покорена тайга, в бетон одеваются сибирские реки. Бывшие «мужики» засаживают в Верховном Совете в Кремле. Они кончают академию, руководят

А. П. Чехов в Сибири и о Сибири

В жизни и творчестве великого русского писателя Антона Павловича Чехова есть интересные страницы, посвященные Сибири.

В 1890 г. он осуществил поездку на остров Сахалин, проделав огромный путь от Тюмени до Сретенска на лошадях, а затем на пароходе по Амуру. В ту пору в Сибири не было железной дороги.

Готовясь в этот трудный путь, в места «невыразимых страданий», он писал в письме редактору газеты «Новое время», А. С. Суворину, куда позже посылал очерки о Сибири: «Быть может, я не сумею ничего написать, но все-таки поездка не теряет для меня своего аромата, читаю, глядя по сторонам и слушая, я много узнаю и выучу. Я еще не ездил, но благодаря тем книжкам, которые я прочел теперь по необходимости, я узнал многое такое, что следует знать всякому».

В статье «Сибирские фельетоны» и письма А. П. Чехова А. Н. Турунов приводит большой список литературы, прочитанной писателем перед отъездом.

Как видно из перечня книг, Антон Павлович всесторонне интересовался местом своего путешествия.

Стремление стать ближе к народу, «завершить свое понимание русской жизни» было целью путешествия писателя. «Если я литератор, то мне нужно жить среди народа», — писал Антон Павлович.

Одним из намерений его было изучение жизни заключенных каторжан. Чехов собирался создать научное исследование о каторге и ссылке и осуществить свое желание, написав книгу «Остров Сахалин».

Путешествие А. П. Чехова длилось два с половиной месяца. За это время он наблюдал жизнь сотен приправочных деревень, посетил уездные и губернские города, встречал множество новых для него людей, близко соприкоснулся с природой Сибири. «Правда, — замечает Чехов в письме из Благовещенска, — столько, я видел богатств и столько получил наслаждений, что помереть теперь не страшно».

В Сибирь Антон Павлович ехал с корреспондентским бланком газеты «Новое время» и собирался посылать в редакцию коротенькие дорожные заметки. В пути он вел «краткий дневник карандашом», а в номере Томской гостиницы сел за переработку в очерки своих записей. Они составили шесть глав, напечатанных под общим названием «Из Сибири». Последние четыре главы были посланы из Благовещенска. Они имеют общее название «По Сибири». Все эти очерки охватывают только одну треть пути.

Предположение написать очерки о Байкале, Забайкалье и Амуре не осуществилось. Путь от Красноярска до Николаевска-на-Амуре задержал только в письмах. С дороги Антон Павлович послал много писем семье и друзьям. Они являются своеобразным путевым дневником и дополняют очерки.

Природу Сибири Чехов назвал «оригинальной, величавой и прекрасной». «Когда в Сибири появятся свои поэты», — писал

он так описывает Байкал и Ангару: «Берег Ангары на Швейцарию похож, что-то новое и оригинальное. Ехали по берегу, доехали до устья и повернули влево; тут уже берег Байкала, который в Сибири называется морем. Зеркало. Берега высокие, крутые, каменистые, лесистые и направо и налево видны мысы, которые в море вроде Аю-Дага или феодосийского Тохтебеля. Похоже на Крым. Станция Лиственничная расположена у самой воды и похожа на Ялту...».

В двух сибирских городах — Томске и Иркутске — писатель жил по неделе и имел возможность более подробно с ними познакомиться. О нашем городе он писал: «Иркутск — превосходный город. Совсем интеллигентный. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы». «В Иркутске, рессорные пролетки, он лучше Екатеринбург и Томска, совсем Европа».

Приезд и пребывание А. П. Чехова в Иркутске было отмечено газетой «Восточное обозрение» (Иркутск) следующей заметкой. «На этой неделе прибыл в Иркутск и пробыл здесь несколько дней А. П. Чехов, молодой русский беллетрист, известный городской публике, как автор остроумных водевилей и драмы «Иванов», дававшейся в минувшем сезоне на сцене городского театра».

К этому времени Антон Павлович был уже автором нескольких талантливых сборников рассказов. За сборник рассказов «В сумерках» Академия наук присудила ему половину пушкинской премии. А иркутская газета, видимо, об этом не знала, да и неумудрено, так как в Иркутской библиотеке тогда не имелось еще ни одного сборника его рассказов.

А. П. Чехов жил в Иркутске в гостинице «Амурское подворье». На фасаде этого здания теперь имеется мемориальная доска. Он посетил Интендантский сад (общественный сад на берегу Ушаковки), много ходил по городу.

В письмах и очерках А. П. Чехов с возмущением пишет о производе царских чиновников в Сибири.

«У нас по всей Сибири, — говорил Чехову один крестьянин, — нет правды. Ежели и была какая, то уж давно замерзла». Чиновникам, тюремщикам противопоставил писатель народ, в освобождение которого твердо верил. «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!». Эта знаменитая фраза Чехова была написана в письмах из Сибири.

Чехов радовался, что в Сибири нет дворянской усадьбы. «Здесь не боится говорить громко. Народ все больше независимый, самостоятельный», — отмечал он черту сибиряка, которую до него отмечали и другие писатели.

В Сибири встретился А. П. Чехов с читателями своих произведений. Он пишет сестре: «На пароходе библиотека, и я видел, как прокурор читал мои «Сумерки». Многие из сибирских читателей, особенно сахалинские, писали ему, и он высылал им свои книги в сахалинские библиотеки и школы, беспокоясь, чтобы они прибыли

мату, что при чтении становится холоднее».

Он тщательно работал над языком книги и очерков и возмущался тем, что наши «теологи, ихтиологи и зоологи и прочие пишут сухонным языком и в промежутки приходится переделывать фразы, чтобы понять». Сибирские и сахалинские впечатления нашли отражение не только в очерках Чехова «Из Сибири» и «По Сибири» и в книге «Остров Сахалин», но и в ряде рассказов: «Гусев», «Бабь», «Убийство», «Мужики», «В огороде» и другие.

«Все рассказы его отличаются крайней простотой, но они глубоко правдивы и реальны, — писала иркутская газета. — Его симпатии всегда на стороне трудовой, честной жизни. Он берет людей такими, какими их создала суровая природа края, их тяжелый упорный труд, своеобразные условия жизни».

Несмотря на сильное утомление и недомогание, Чехов своим путешествием был доволен. Он «горел желанием работать», поделиться с читателем своими впечатлениями о Сибири и Сахалине. Путешествие пробудило в нем «очеркову пропасть планов».

Оно же явилось толчком к принципиальному разрыву писателя с «Новым временем» и Сувориным. Реакционный журнал напечатал Буренин по поводу поездки Чехова напечатал эссе: «Талантливый писатель Чехов, на остров Сахалин уехал, бродя меж скал, там вдохновения искал, но не найдя там вдохновения, свое услаждал возвращением, простая басня сей мораль — для вдохновения не нужно ехать в даль». Другой журналист — Ежов — писал, что Чехов «произвел себя в гения, искал гениальные сюжеты».

Так относилась реакционная газета «Новое время» к делу большого общественного значения, которому отдал столько сил и творческой энергии один из талантливейших русских писателей.

Будучи в Сибири, Чехов впервые предсказал будущую свободную жизнь нашей страны. Так, Енисей вывал у него мысли, которые звучат почти пророчески: «Жизнь началась здесь стеном, а кончится удачно, какая и во сне не снилась. Так, по крайней мере, думаю я, стоя на берегу широкого Енисея и с жадностью глядя на его воду, которая со страшной быстротой и силой мчится в суровый Ледовитый океан... Я стоял и думал: какая полная, умная, смелая жизнь осветит со временем эти берега».

Б. ШКОЛЬНИК,
библиограф научной библиотеки Иркутского государственного университета имени А. А. Жданова.

ли 70—90 годов упрекали актеров за тяготение к внешним эффектам, к ходульным приемам.

Вполне понятен в этом свете живой интерес, передовых представителей Иркутской общественности к первым попыткам Чехова в области драматургии. Не случайным является тот факт, что пьеса Антона Павловича «Иванов» впервые в провинции была поставлена в Иркутске, через несколько месяцев после того, как она в новой редакции прошла на сцене Александринского театра.

Верная своим общим позициям в оценке театральной жизни, местная печать в статье, посвященной началу сезона, назвала «Иванова» лучшим произведением современной театральной литературы («Восточное обозрение» 1889 г. № 392). Спектакль не удовлетворил публику. Очевидно, театр не понял особенности пьесы драматурга-новатора. Рецензент, говоря о спектакле, с горечью восклицал: «Не то, не то!». Он резко критиковал исполнителя роли Иванова Малевского, не сумевшего создать на сцене образ внутренне опустошенного человека.

В сезоне 1898—1899 гг. на иркутской сцене шла вторая пьеса Чехова — «Дядя Ваня». В сезон 1901—1902 г., через восемь месяцев после премьеры в Московском Художественном театре, Иркутский театр показал зрителям «Три сестры», а в сезоне 1905—1906 г. — «Вишневый сад». Как известно, Московский Художественный театр сумел найти новые средства для сценического воплощения чеховских пьес. Огромный успех «Чайки» в Художественном театре, после провала этой пьесы на казенной сцене, связал Чехова с молодым творческим коллективом узлами большой дружбы.

Но известно также, что Чехов в период работы Московского Художественного театра над спектаклями «Три сестры» и «Вишневый сад» горячо спорил с театром. Пьесы эти были написаны автором в годы подъема общественного движения. В пьесе «Три сестры» Чехов тонко показывал маниловщину и бездельность прекраснотупых интеллигентов. Он считал эту пьесу комедией, а Художественный театр играл ее, как драму. Театр не увидел в пьесе осуждения бездельности и требования активности. Он не увидел острого противоречия между внутренними устремлениями людей и их общественным поведением, а это и составляло основу пьесы «Три сестры» и давало право Чехову говорить о ней, как о комедии. Чехов называл «Вишневый сад» «веселой комедией». Он осмеивал Раневскую и Гаева, которым, по сути говоря, не было никакого дела до вишневого сада, до своих близких, до своей родной страны, а Художественный театр по словам В. И. Немировича-Данченко, прошел мимо чеховской иронии — спектакль МХТ вызывал элегическую грусть.

Иркутский театр, ставя пьесу «Три

сестры» активно работало. Общество по устройству народных чтений, объединявшее передовую демократическую интеллигенцию. В Народном доме, силами любителей, Общество ставило спектакли. В отличие от драматического театра любители включали в репертуар пьесы Горького, Островского, Мольера и другие. Значительное место в репертуаре этого общедоступного театра занимали и пьесы Чехова. В 1912—1914 гг. на сцене Народного дома прошли почти все водевили Чехова и его пьеса «Дядя Ваня».

Многие дореволюционные критики несправедливо считали Чехова-драматурга пессимистом и говорили, что пьесы его проникнуты безысходностью и безнадежностью. Марксистское литературоведение показало несостоятельность этих оценок. Убедительно показал это и МХАТ имени А. М. Горького, вторично обратившийся в 1940 г. к драматическому наследию великого писателя. В новом спектакле режиссура подчеркнула активное начало пьесы, мечту о будущем, тоску о лучшей жизни. Новый спектакль МХАТ оказал большое влияние на все театры страны, которые все чаще и чаще начали обращаться к пьесам Чехова. В 40-е годы Иркутский театр поставил две пьесы Чехова: «Три сестры» и «Вишневый сад». В спектакле «Три сестры» (режиссер, заслуженный артист РСФСР Г. А. Боганов), коллектив театра сумел воплотить на сцене стилевое своеобразие Чехова-драматурга. Но в целом театр был в плену старых сценических традиций и в общем тоне спектакля преобладали грусть, атмосфера беспомощности, граничащая с безысходностью.

Интересно и смело поставил пьесу «Вишневый сад» заслуженный артист РСФСР М. М. Ляшенко. Исполнители ролей Раневской и Гаева (артистка М. М. Каплун, артисты Ф. Н. Белопольский и В. А. Закатов) сумели показать внутреннюю опустошенность и никчемность этих чеховских героев. С большим мастерством исполнял роль Фирса заслуженный артист РСФСР К. А. Прокофьев.

Последней работой театра на пути освоения чеховской драматургии, явился спектакль «Дядя Ваня», возобновленный к 50-летию со дня смерти писателя.

А. М. Горький говорил, что чеховские пьесы надо было бы ставить не как лирические драмы, а как лирические комедии. Это тонкое замечание основоположника советской литературы открывает еще неосвоенные возможности нового сценического прочтения чеховских пьес. Дело чести каждого советского театра, работая над пьесами Чехова, полностью раскрыть огромное идейное и художественное богатство, скрытое в произведениях великого русского драматурга-новатора.

П. МАЛЯРЕВСКИЙ.

драматург, лауреат Сталинской премии, зав. литературной частью Иркутского облдрамтеатра.

— Поездка через Сибирь на Сахалин, хотя и была чрезвычайно трудна, оставила в жизни моего брата незабываемое впечатление. В разговорах, в письмах, в своих произведениях он то и дело возвращался к этой обширной и величественной окраине нашей Родины.

В письмах, которые присылал Антон Павлович мне и братьям, он, возмущаясь дикими порядками и произволом, которые царили в ту пору в Сибири, восторженно отзывался о богатой сибирской природе.

Особенно глубокое впечатление произвели на Антона Павловича сибирские горы и реки. «И горы, и Енисей порадили меня такими ощущениями, которые стоишь вознаградили меня за все пережитые кувырско-легкие...», — писал он мне из Иркутска и в этом же письме сообщал, что «Иркутск превосходный город». Берега Ангары напоминали ему Швейцарию. А брату Александру он писал из Иркутска: «В общем я своей поездкой доволен и не жалею, что поехал. Тяжело ехать, но зато одним чудом. Отдыхаю с наслаждением». В этом письме он также отметил, что «из всех сибирских городов самый лучший Иркутск».

Он любил этот край и предвидел, что наступит время, когда Сибирь станет «богатейшей и счастливейшей землей». Любуясь могучей сибирской рекой Енисеем, Чехов записал пророческие слова: «На Енисее... жизнь началась стоном, а кончится удастью, какал нам и во сне не снилась... Я стоял и думал: какал полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

В дни, когда все прогрессивное человечество отмечает пятидесятилетие со дня смерти великого русского писателя, я счастлива приветствовать трудящихся Советской Сибири, той Сибири, о которой мечтал когда-то мой брат Антон Павлович Чехов.

Мечты писателя сбылись

Антон Павлович Чехов — мой любимый писатель. В моей небольшой библиотеке есть несколько томов его произведений.

С огромным удовольствием прочел я путевые записки Чехова «Из Сибири». Как верно он описывает этот, в прошлом край горя и бед, край темных невежественных крестьян, и как страстно мечтает увидеть Сибирь «счастливейшей землей»!

Прошли годы. Покорена тайга, в бетон одеваются сибирские реки. Бывшие «мудики» заседают в Верховном Совете в Кремле. Они кончают академию, руководят хозяйством. Мечты Антона Павловича Чехова сбылись.

Не пришлось Антону Павловичу дожить до наших светлых дней, но мы и в коммунизм вместе с именами замечательных людей земли русской принесем имя великого русского писателя А. П. Чехова.

А. ЛИФАНЕНКО,

колхозник сельхозартели имени Сталина.

письме редактору газеты «Новое время», А. С. Суворину, куда позже послал очерки о Сибири: «Быть может, я не сумею ничего написать, но все-таки поездка не теряет для меня своего аромата, читая, глядя по сторонам и слушая, я много узнаю и выучу. Я еще не ездил, но благодаря тем книжкам, которые я прочел теперь по необходимости, я узнал многое такое, что следует знать всякому».

В статье «Сибирские фельетоны» и письма А. П. Чехова» А. Н. Турунов приводит большой список литературы, прочитанной писателем перед отъездом.

Как видно из перечня книг, Антон Павлович всесторонне интересовался местом своего путешествия.

Стремление стать ближе к народу, «завершить свое понимание русской жизни» было целью путешествия писателя. «Если я литератор, то мне нужно жить среди народа», — писал Антон Павлович.

Одним из намерений его было изучение жизни заключенных каторжан. Чехов собирался создать научное исследование о каторге и ссылке и осуществил свое желание, написав книгу «Остров Сахалин».

Путешествие А. П. Чехова длилось два с половиной месяца. За это время он наблюдал жизнь сотен приправочных деревень, посетил уездные и губернские города, встречал множество новых для него людей, близко соприкоснулся с природой Сибири. «Право», — замечает Чехов в письме из Благовещенска, — столько я видел богатств и столько получил наслаждений, что помереть теперь не страшно».

В Сибирь Антон Павлович ехал с корреспондентским бланком газеты «Новое время» и собирался послать в редакцию короткие дорожные заметки. В пути он вел «короткий дневник карандашом», а в номере Томской гостиницы засел за переработку в очерки своих записей. Они составили шесть глав, напечатанных под общим названием «Из Сибири». Последние четыре главы были посланы из Благовещенска. Они имеют общее название «По Сибири». Все эти очерки охватывают только одну треть пути.

Предположение написать очерки в Байкале, Забайкалье и Амуре не осуществилось. Путь от Красноярска до Николаевска-на-Амуре занял только в письмах. С дороги Антон Павлович послал много писем семье и друзьям. Они являлись своеобразным путевым дневником и дополняют очерки.

Природу Сибири Чехов назвал «оригинальной, величавой и прохладной». «Когда в Сибири появятся свои поэты», — писал он, — то сибирская природа будет служить для них неиссякаемым золотым прииском».

Природа Восточной Сибири, начиная с Енисея, произвела на Антона Павловича особенно сильное впечатление. «Природа Западной Сибири», — писал он, — это проза, а природа Восточной Сибири — поэзия». В письме к сестре М. П. Чехо-

вой воды и похожа на Алгу...».

В дух сибирских городов — Томске и Иркутске — писатель жил по неделе и имел возможность более подробно с ними познакомиться. О нашем городе он писал: «Иркутск — превосходный город. Совсем интеллигентный. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы». «В Иркутске, ресурсные пролетки, он лучше Екатеринбурга и Томска, совсем Европа».

Приезд и пребывание А. П. Чехова в Иркутске было отмечено газетой «Восточное обозрение» (Иркутск) следующей заметкой. «На этой неделе прибыл в Иркутск и пробыл здесь несколько дней А. П. Чехов, молодой русский беллетрист, известный городской публике, как автор остроумных водевилей и драмы «Иванов», дававшейся в минувшем сезоне на сцене городского театра».

К этому времени Антон Павлович был уже автором нескольких талантливых сборников рассказов. За сборник рассказов «В сумерках» Академия наук присудила ему половину пушкинской премии. А иркутская газета, видимо, об этом не знала, да и неуместно, так как в Иркутской библиотеке тогда не имелось еще ни одного сборника его рассказов.

А. П. Чехов жил в Иркутске в гостинице «Амурское подворье». На фасаде этого здания теперь имеется мемориальная доска. Он посетил Интендантский сад (общественный сад на берегу Ушадовки), много ходил по городу.

В письмах и очерках А. П. Чехов с возмущением пишет о произволе царских чиновников в Сибири.

«У нас по всей Сибири, — говорил Чехов один крестьянин, — нет правды. Ежели и была какал, то уж давно замерзла». Чиновникам, торгашам противопоставил писатель народ, в освобождение которого твердо верил. «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!». Эти знаменитые слова Чехова были написаны в письмах из Сибири.

Чехов радовался, что в Сибири нет дворянской усадьбы. «Здесь не бояться говорить громко. Народ все больше независимый, самостоятельный», — отмечал он черту сибиряка, которую до него отмечали и другие писатели.

В Сибири встретился А. П. Чехов с читателями своих произведений. Он пишет сестре: «На пароходе библиотека, и я видел, как прокурор читал мои «Сумерки». Многие из сибирских читателей, особенно сахалинские, писали ему, и он высылал им свои книги в сахалинские библиотеки и школы, беспокоясь, чтобы они прибыли в сохранности на место назначения.

Дого и напряженно работал он над своей книгой «Остров Сахалин». «Я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жестокий арестантский халат». В одном из писем он пишет, что целый день возился с сахалинским климатом и в конце концов поймал «чорта за хвост»... «Я дал такую картину кли-

мат». Он тщательно работал над языком книги и очерков и возмущался тем, что наши «геологи, ихтиологи и зоологи и прочие пишут сухонным языком и временами приходится переделывать фразы, чтобы понять». Сибирские и сахалинские впечатления нашли отражение не только в очерках Чехова «Из Сибири» и «По Сибири» и в книге «Остров Сахалин», но и в ряде рассказов: «Гусев», «Бабы», «Убийство», «Мужики», «В огороде» и другие.

Все рассказы его отличаются крайней простотой, но они глубоко правдивы и реальны, — писала иркутская газета. Его симпатии всегда на стороне трудовой, честной жизни. Он берет людей такими, какими их создала суровая природа края, их тяжелый упорный труд, своеобразные условия жизни».

Несмотря на сильное утомление и нездоровье, Чехов своим путешествием был доволен. Он «горел желанием работать», поделиться с читателем своими впечатлениями о Сибири и Сахалине. Путешествие пробудило в нем «чуждую пропасть планов».

Оно же явилось толчком к принципиальному разрыву писателя с «Новым временем» и Суворинным. Революционный журналист Буренин по поводу поездки Чехова написал экзопромт: «Талантливый писатель Чехов, на острове Сахалин уеха, бродя меж скал, там вдохновения неслал, но не найдя там вдохновения, свое усердие возвращение, простая басня сей мораль — для вдохновения не нужно ехать в даль». Другой журналист — Ежов — писал, что Чехов «произведший себя в гения, искал гениальные сюжеты».

Так относился реакционная газета «Новое время» к делу большого общественного значения, которому отдал столько сил и творческой энергии один из талантливейших русских писателей.

Будучи в Сибири, Чехов впервые предсказал будущую свободную жизнь нашей страны. Так, Енисей вызвал у него мысли, которые звучат почти пророчески: «Жизнь началась здесь стоном, а кончится удастью, какал и во сне не снилась». Так, по крайней мере, думал я, стоя на берегу широкого Енисея и с жадностью глядя на его воду, которая со страшной быстротой и силой мчит в суровый Ледовитый океан... «Я стоял и думал: какал полная, умная, смелая жизнь осветит со временем эти берега».

Б. ШКОЛЬНИК,

библиограф научной библиотеки Иркутского государственного университета имени А. А. Жданова.

Проездом на остров Сахалин, великий русский писатель Антон Павлович Чехов несколько дней жил в городе Иркутске.

На снимке: жилой дом на углу улиц Карла Маркса и Фурье, в котором жил А. П. Чехов. Внизу — мемориальная доска, прикрепленная к дому.

Фото М. Калихмана.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ А. П. ЧЕХОВА

«Мужики», И. Репин. 1899 г.

«Хирургия», Кукрыники. 1953 г.

«Ванька», Кукрыники. 1953 г.

«Ионыч», Кукрыники. 1953 г.